

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2015
XXIV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1137
EXPRESS-ISSUE

2015 № 1137

СОДЕРЖАНИЕ

- 1499-1505 Акустический репертуар воробьиного сыча
Glaucidium passerinum. С. М. ШЕХОВЦОВ,
А. В. ШАРИКОВ
- 1505-1511 В дополнение об аномально окрашенных кряквах
Anas platyrhynchos на Северо-Западе России.
Н. В. ЛАПШИН
- 1512-1520 Современное состояние популяции просянки
Miliaria calandra на юге Центрального Черноземья.
А. Ю. СОКОЛОВ
- 1521-1522 О гнездовании серебристой чайки *Larus argentatus* s.l.
в Луганской области. В. В. ВЕТРОВ,
А. В. КОНДРАТЕНКО
- 1523-1525 О каннибализме у сорокопута-жулана
Lanius collurio. Н. П. КНЫШ
- 1525-1526 Сильное падение численности красавки
Anthropoides virgo в Даурии. О. А. ГОРОШКО
- 1527-1528 Стенолаз *Tichodroma muraria* на юге Ставрополя.
В. А. ТЕЛЬПОВ, А. Н. ХОХЛОВ,
В. Н. БИТАРОВ
- 1528-1529 Изменение численности удода *Upupa epops*
на Ставрополье. Л. В. АФАНАСОВА,
А. Н. ХОХЛОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXIV
Express-issue

2015 № 1137

CONTENTS

- 1499-1505 The acoustic repertoire of the Eurasian pygmy owl
Glaucidium passerinum. S. M. SHEKHOVTSOV,
A. V. SHARIKOV
- 1505-1511 In addition, about abnormally colored mallards *Anas*
platyrhynchos in Northwest Russia. N. V. LAPSHIN
- 1512-1520 The current status of the corn bunting *Miliaria calandra*
populations in the south of the Central Black Earth
Region. A. Yu. SOKOLOV
- 1521-1522 About breeding of *Larus argentatus* s.l. in the Lugansk
Oblast. V. V. VETROV, A. V. KONDRATENKO
- 1523-1525 Cannibalism in the red-backed shrike *Lanius collurio*.
N. P. KNYSH
- 1525-1526 Rapid decline of the demoiselle crane *Anthropoides virgo*
in Dauria. O. A. GOROSHKO
- 1527-1528 The wallcreeper *Tichodroma muraria* in the southern
Stavropol region. V. A. TELPOV,
A. N. KHOKHLOV, V. N. BITAROV
- 1528-1529 Changing the number of the hoopoe *Upupa epops*
in Stavropol region. L. V. AFANASOVA,
A. N. KHOKHLOV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Акустический репертуар воробьиного сыча *Glaucidium passerinum*

С.М.Шеховцов, А.В.Шариков

Сергей Михайлович Шеховцов, Александр Викторович Шариков. Московский педагогический государственный университет, ул. Кибальчича 6/5, Москва, 129164, Россия.
E-mail: schehovcov@gmail.com

Поступила в редакцию 27 апреля 2015

Воробьиный сыч *Glaucidium passerinum* – самый обычный вид сов в европейской части России (Волков и др. 2005; Конторщиков и др. 2008). При проведении учётов от него можно услышать обычно небольшое разнообразие криков. Однако полевые наблюдения за социальной жизнью сычика показывают, что в его арсенале имеется большое количество акустических сигналов, используемых как взрослыми, так и молодыми особями. В литературе описаны лишь некоторые из них (Wendland 1963; Bergman, Ganso 1965; König 1965; Schönn 1980; Mikkola 1983; Cramp 1985; Mebs, Scherzinger 2000; Пукинский, 2001, 2005; Пукинский, Пукинская 2011). Полного описания акустического репертуара этого вида пока не существует. В данной работе проведена систематизация основных типов звуковых сигналов воробьиного сыча.

Материалы и методы

Материал собран в 2007-2014 годах в Московской области: на территории биогеоценологической станции ИПЭЭ РАН «Малинки», а также в сети ООПТ «Журавлиная родина». Дополнительно для анализа мы использовали записи голосов, любезно предоставленные нам П.Эбергом из национального парка «Тиведен» (Швеция), а также Б.Пиотом из заповедника «Шартрёз» во французских Альпах.

Записи голосовых сигналов проводили во время маршрутных и точечных учётов с воспроизведением фонограмм криков воробьиного сыча (Воронецкий и др. 1989) с помощью цифрового диктофона Tascam DR40 с выносным направленным микрофоном Rode NTG-1 (полоса пропускания от 20 до 20000 Гц). При классификации сигналы взрослых сов подразделены по основному функциональному значению на 5 типов: территориальная вокализация, контактные крики, половые сигналы, пищевые сигналы и сигналы тревоги. Сигналы молодых сов подразделены на 2 типа: сигналы волнения и сигналы питания (Мальчевский 2003, 2005). Голос воробьиные сычи используют в течение всего календарного года. Однако, как у большинства сов, есть два периода с наибольшей вокальной активностью – весенний и осенний (Шариков, Шеховцов 2013).

Голоса взрослых сов

1. Территориальная вокализация. Используется в течение всего года, но чаще всего в начале сезона размножения и при обозначении своей территории. Основная функция: обозначение территории и связь

с партнёром. Также применяется при конфликтах, спаривании и в других ситуациях.

1а. Территориальная вокализация самца – монотонное меланхолическое повторение звуков «*фьюю... фьюю...*», издаваемых каждые 1.32 ± 0.32 с (рис. 1). Паузы между криками зависят от возбуждения птицы. Продолжительность самих криков составляет 0.26 ± 0.04 с. Основная частота колеблется в диапазоне от 1454 ± 183 Гц до 1723 ± 228 Гц. В хорошую погоду вокализация слышна на расстоянии до 1 км и продолжается несколько минут. Как правило, через каждые 5-15 криков самец делает более продолжительные паузы (длительностью 2-4 с), нежели между самими криками. Некоторые самцы (чаще при сильном возбуждении) таких пауз могут не делать продолжительное время и исполнять до 50 и более криков подряд. Отдалённо видовая вокализация воробьиного сыча напоминает крики сплюшки *Otus scops*, однако сигналы сплюшки выше по частоте, имеют характерную частотную модуляцию вначале и исполняются медленнее, с большими паузами.

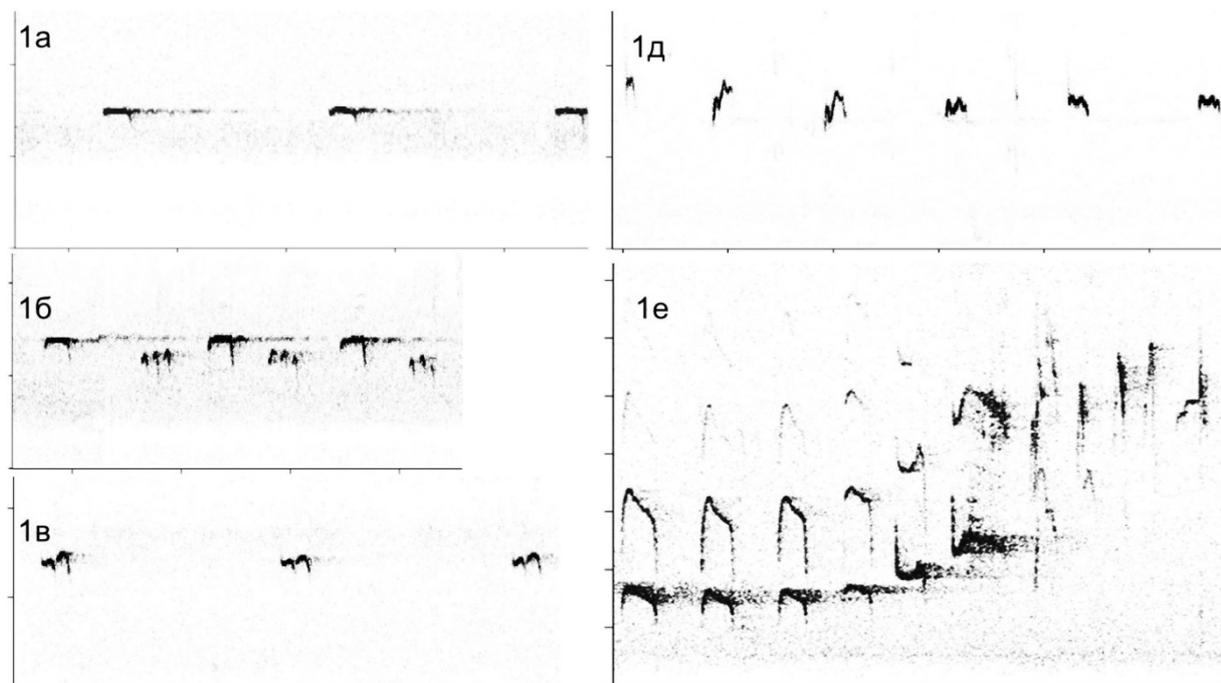

Рис. 1. Примеры территориальной вокализации воробьиного сыча (описание в тексте; одно деление по оси ординат соответствует 1 кГц; одно деление по оси абсцисс – 1 с).

1а – «Малинки», 15 марта 2008; 1б – заказник «Журавлиная родина», 1 марта 2014;
1в – «Малинки», 15 октября 2010; 1д – «Малинки», 15 марта 2008; 1е – «Малинки», 27 октября 2007.
Обозначения соответствуют нумерации сигналов в тексте.

При сильном возбуждении между основными криками сыч вставляет серию (от 1 до 10, но чаще 3-4) более тихих и коротких нот, отчего территориальная вокализация имеет вид: «*фьюю-у-у-у-фьюю*» (вибрирующая вокализация (1б)). В отличие от основных криков, данные короткие ноты довольно сильно варьируют по частоте от одной серии криков к другой, что легко улавливается человеческим ухом. Данный вариант

вокализации весьма изменчив, и в первую очередь в нём отражается степень возбуждения птицы. Функционально разделить эти варианты вокализации (1а и 1б) всё же сложно: они нередко переходят один в другой в течение короткого времени.

Иногда (чаще при сильном возбуждении птицы) можно обнаружить, что вокализация воробьиного сыча не монотонна (1в). Каждый звук понижается в частоте к середине, а затем вновь следует модуляция звука. При этом сигнал становится как бы двухсложным. Вокализация имеет следующий вид: «*фью...фью...фьюфю*». Во время токования односложные и двухсложные варианты свиста чередуются незакономерно. Переход от одного варианта исполнения крика к другому приятно воспринимается на слух и украшает однообразную вокализацию (Пукинский 2005).

Мягкий вариант территориальной вокализации самца (1г) исполняется, когда он приносит самке корм. Часто при этом добавляются дополнительные ноты к основной вокализации: «*фюю-ууу-фюю-хюю-хюю-хюю*» (Mikkola 1983).

1д. Территориальная вокализация самки. Вокализация самки похожа на вокализацию самца, однако она менее ритмичная, более высокая и звуки на слух более квохтающие: «*фью-фо-фо-фю-фю*». Как правило, видовые крики самки – это ответ на крики самца. Используются также во время агрессивной фазы спаривания и при защите территории от других сычей или врагов (например, когда человек забирается на дерево, где располагается дупло сыча).

1е. Осенняя территориальная вокализация. Это серия из 5-11 криков, возрастающих по частоте: «*фюек-фюек-фюек-фуиии*». При этом интервалы между криками уменьшаются. Относится к гармоническим сигналам, максимум энергии звука располагается на доминантной (нижней) частоте и составляет 1.5 кГц в начале вокализации. Максимальной частоты сигнал достигает в своём конце – 6 кГц. Продолжительность одной серии такой вокализации варьирует и составляет в среднем 5.5 с. Вокализация самки выше по частоте, чем у самца. Используются птицами обоего пола весь год, но чаще всего осенью, когда уже не поют певчие птицы, при разгоне слётков и оповещении своей территории.

2. Контактные крики. Контактные сигналы используются в течение всего года, в основном при общении между членами пары.

2а. Призывный сигнал. Сигнал самки высокий, похожий на «*иииии*» или «*уииии*» (рис. 2). Длительностью около 1 с и с частотой 4-6 кГц он напоминает некоторые звуки чёрного дрозда *Turdus merula* или сигнал тревоги зарянки *Erithacus rubecula*. Звук немного увеличивается в частоте в начале и уменьшается в конце. Используется круглый год, но чаще всего слышен во время формирования пар – в ответ на демон-

стративные крики самца, а также при выпрашивании корма у самца и последующим распределении корма между молодыми (Thönen 1965; König 1968; Bergmann, Wiesner 1982). Призывный крик самца (рис. 2 – 4б) слышен реже. Он короче, слабее и ниже по частоте: «тсююююх» (König 1968). По другим данным, самцы-слётки перестают использовать этот призывной сигнал после 9-й недели жизни (Schönn 1980).

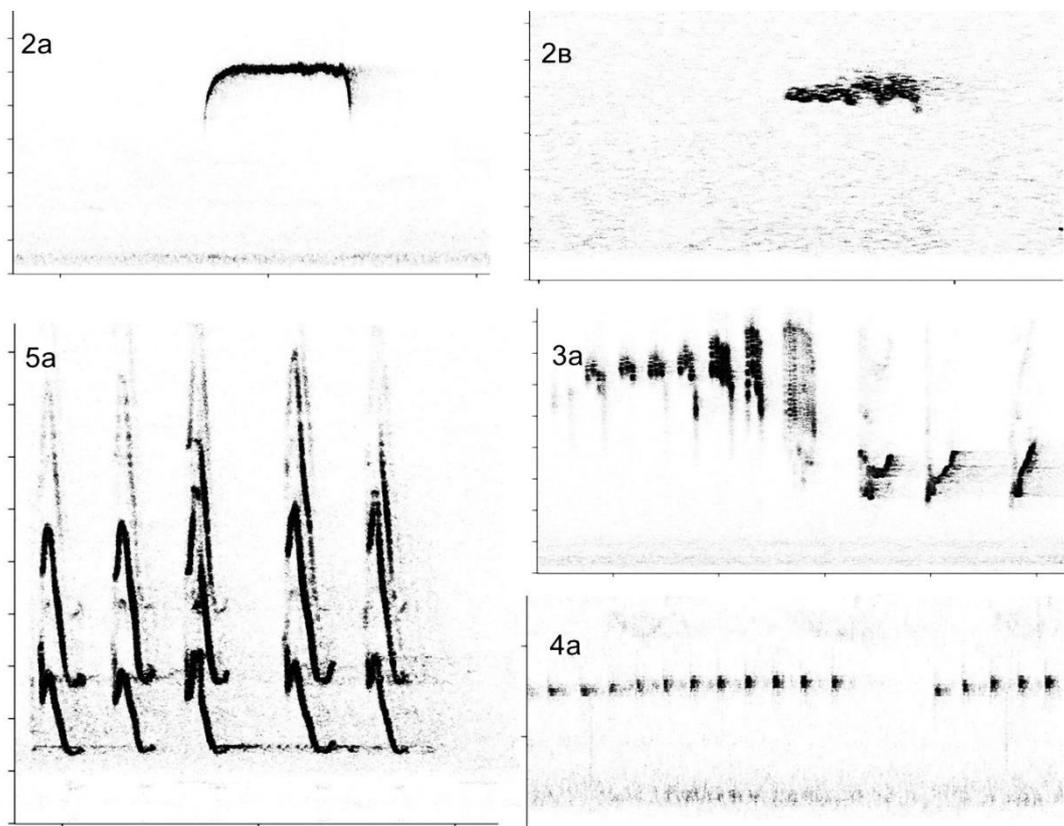

Рис. 2. Примеры различных типов вокализации воробьиного сыча (описание в тексте; одно деление по оси ординат соответствует 1 кГц; одно деление по оси абсцисс – 1 с). 2а – «Малинки», 15 марта 2008; 2в – «Малинки», 13 октября 2010; 3а – национальный парк «Тиведен» (Швеция), 27 октября 2007; 4а – национальный парк «Тиведен» (Швеция), 11 марта 2009; 5а – национальный парк «Тиведен» (Швеция), 27 мая 2010. Обозначения соответствуют нумерации сигналов в тексте.

2б. Мягкие, мяукающие, свистовые звуки «уит» или «юх», с нарастающей модуляцией. Издают оба пола при взаимодействии (Thönen 1965; Glutz, Bauer 1980).

2в. «Црр-сигнал». Чёткие крики «црр» или «црл» (рис. 2). Относятся к тональным свистовым звукам. Продолжительность сигнала составляет 0.32 с, средняя частота – 5.1 кГц. Самка издаёт крик при вылете из дупла и при получении корма от самца. Эти пронзительные крики сычи используют также во время тревоги и драк. Например, самка сыча издавала этот сигнал во время стычки с кедровкой *Nucifraga caryocatactes*, которая хотела отобрать у неё добычу (Thönen 1965).

2г. Тихий вариант крика «црл» издаёт самка, когда показывает самцу дупло (König 1965).

2д. Мягкие, затухающие звуки «дююо» или «цуюю», слегка уменьшающиеся по частоте (производные от одиночных криков территориальной вокализации). Издаются самцом и самкой при передаче корма, вылете из дупла и спаривании (König 1965; Mebs, Scherzinger 2000).

3. **Половые сигналы.** Данный тип криков можно услышать в сезон размножения, в том числе при спаривании.

3а. Щебечущие звуки «чиуррр», «кжи-кжи-кжи...». Издаёт самка во время спаривания (рис. 2). Самец произносит кричащее «скуии» (3б) (Glutz, Bauer 1980).

4. **Пищевые сигналы.** Используются во время ритуала передачи корма от партнёра к партнёру, а также при кормлении потомства.

4а. Трель. Быстро повторяющиеся (около 8 раз в секунду) короткие и мягкие звуки «тютютю» (рис. 2). Эти звуки выше по частоте, нежели демонстративные крики. Либо твёрдые повторяющиеся звуки, образующие «бюбюбю...бюбюбю» (König 1965). Трелевые сигналы издают оба пола, как правило, при передаче корма. Самка издаёт их также перед спариванием и во время насиживания и ухода за птенцами (König 1965; Mebs, Scherzinger 2000).

4б. Высокие, пронзительные крики, издающие оба пола, как правило, во время передачи корма.

5. **Защитные сигналы.** Чаще всего их можно услышать в условиях опасности со стороны нарушителей территории.

5а. «Киу-сигнал». Серия из 5-10 ускоряющихся звуков, похожих на «киу» или «къяв» с падением частоты и усилением мощности к концу («киу-киу-киу-фи-фи-фи-фию») (рис. 2). Этот сигнал слышен при конфликтах между особями, в том числе между брачными партнёрами. Один крик или несколько повторяющихся криков «киу» взрослые адресуют молодым при опасности. Самка издаёт этот тип сигнала для начала спаривания.

И самец, и самка в присутствии на их территории другого самца либо хищника издают похожие на контактные сигналы крики. Однако они более чёткие и короткие (5б).

При опасности птицы также щёлкают клювом (5в). В отличие от большинства других сов, воробьиные сычи при беспокойстве не шипят (Bergman, Ganso 1965; Mebs, Scherzinger 2000).

Голоса птенцов и слётков.

6. **Сигналы волнения.** Данные крики выражают беспокойство и дискомфорт молодых сов. Как правило, используются при опасности.

6а. Высокие щебечущие звуки, похожие на сигнал «урр» взрослых (2в) но слабее: «тирр-тирр-тирр». По структуре они относятся к гармоническим звукам. Энергия звука равномерно распределена по всем гармоникам. Медианная частота исполнения основной гармонике

располагается в области 2.4 кГц. Продолжительность сигнала составляет 0.11 с, а максимальная частота сигнала располагается в области 8.5 кГц. Исполняется с частотой 3 сигнала в секунду. Издаются птенцами в дупле при беспокойстве, а также когда самка приносит им корм (Thönen 1965).

6б. При беспокойстве птенцы щёлкают клювом. В отличие от взрослых птиц, щелчки звонче и не такие жёсткие.

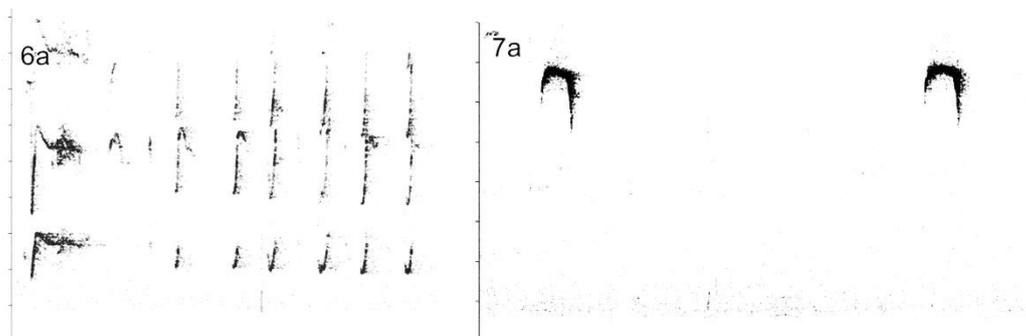

Рис. 3. Сигналы волнения и питания птенцов и слётков воробьиного сыча (описание в тексте; одно деление по оси ординат соответствует 1 кГц; одно деление по оси абсцисс – 1 с).
6а – «Малинки», 27 октября 2007; 7а – заповедник «Шартрёз» (Франция), 3 июля 2012.
Обозначения соответствуют нумерации сигналов в тексте.

7. Сигналы питания. Издаются при выпрашивании пищи у родителя, а также при приёме добычи.

7а. Крик «*тиит*». Похож на призывной сигнал самки (2а), однако имеет большую модуляцию хода частоты. В начале его звук быстро повышается, а в конце не менее резко понижается, что легко уловить на слух. Эти сигналы выше по частоте исполнения – медианная частота составляет 6 кГц. Также они короче (продолжительность 0.7-0.8 с) и более чистые на слух, в отличие от призывного сигнала взрослых сычей. По силе, звучанию и фактуре этот голосовой сигнал напоминает свист самки рябчика. Относятся к свистовым звукам. Иногда слётки подают сдвоенный сигнал «*тиит-тиит*». Издают его в дупле, чтобы услышать ответный призыв родителей. Также его можно услышать у молодых и после вылета из дупла в качестве сигнала выпрашивания корма. В дальнейшем этот голосовой сигнал преобразуется в контактный сигнал взрослых (2б) (Glutz, Bauer 1980).

Литература

- Волков С.В., Шариков А.В., Иванов М.Н., Свиридова Т.В., Гринченко О.С. 2005. Распределение и численность совообразных в Московской области // *Совы Северной Евразии*. М.: 163-186.
- Воронецкий В.И., Тишечкин А.К., Демянчик В.Т. 1989. Методы учёта сов // *Методы изучения и охраны хищных птиц (методические рекомендации)*. М.: 23-34.
- Конторщиков В.В., Волков С.В., Шариков А.В., Гринченко О.С. 2008. Современное состояние редких видов сов Нечернозёмного центра России // *Материалы 3-го совещ. «Редкие птицы центра Европейской части России»*. М.: 55-61.

- Мальчевский А.С. 2003. Звуковое общение животных (на примере птиц) // *Рус. орнитол. журн.* **12** (209): 35-47.
- Мальчевский А.С. 2005. Звуковое общение птиц и опыт классификации издаваемых ими звуков // *Рус. орнитол. журн.* **14** (288): 454-456.
- Пукинский Ю.Б. 2001. Птицы России и сопредельных стран: воробьиный сыч *Glaucidium passerinum* Linnaeus, 1758 // *Рус. орнитол. журн.* **10** (137): 231-248.
- Пукинский Ю.Б. 2005. Воробьиный сыч *Glaucidium passerinum* (Linnaeus, 1758) // *Птицы России и сопредельных регионов: Сово-образные, Козодоеобразные, Стрижеобразные, Ракшеобразные, Удодообразные, Дятлообразные*. М.: 28-41.
- Пукинский Ю.Б., Пукинская М.В. 2011. Дуэтирование и его возможные функции у сов Strigidae России и сопредельных территорий // *Рус. орнитол. журн.* **20** (653): 867-891.
- Шариков А.В., Шеховцов С.М. 2013. Сезонная и суточная акустическая активность серой неясыти (*Strix aluco*) и воробьиного сыча (*Glaucidium passerinum*) в Подмосковье // *Зоол. журн.* **92**, 1: 68-76.
- Bergman H. H., Ganso M. 1965. Zur Biologie des Sperlingskauzes (*Glaucidium passerinum* L.) // *J. Ornithol.* **106**: 255-284.
- Cramp S. 1985. *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa*. Vol. 4. Terns to Woodpeckers. Oxford: 1-960.
- König C. 1965. «Zeigen» der Bruthöhle bei Sperlingskauz (*Glaucidium passerinum*) and Zwergohreule (*Otus scops*) // *J. Ornithol.* **106**: 349-350.
- Mebs T., Scherzinger W. 2000. *Die Eulen Europas*. Stuttgart: 1-396.
- Mikkola H. 1983. *Owls of Europe*. London: 1-397.
- Schönn S. 1980. Der Sperlingskauz: *Glaucidium passerinum passerinum* // *Die neue Brehm-Bücherei* **513**: 1-123.
- Wendland V. 1963. Fünfjährige Beobachtungen an einer Population des Waldkauzes (*Strix aluco*) im Berliner Grunewald // *J. Ornithol.* **104**: 23-57.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск 1137: 1505-1511

В дополнение об аномально окрашенных кряквах *Anas platyrhynchos* на Северо-Западе России

Н.В.Лапшин

Николай Васильевич Лапшин. ФГБУН Институт биологии Карельского научного центра РАН,
ул. Пушкинская, д. 11, Петрозаводск, 185910, Россия. E-mail: nv-lapshin@yandex.ru

Поступила в редакцию 28 апреля 2015

Аномально окрашенные особи кряквы *Anas platyrhynchos* – явление довольно распространённое. Известно, что отклонения в окраске оперения у птиц бывают вызваны чаще всего нарушениями в развитии и распределении пигментов, обусловленными как генетическими, так и ненаследственными факторами (Войткевич 1962). Такого рода факты интересны как для специалистов, изучающих изменчивость окраски оперения у птиц, так и для генетиков, анализирующих на-

следственные основы этого признака (Дубинин 1986). Аномалии в окраске значительно реже встречаются у птиц и других животных в природе, чем в городской среде. Такие особи давно привлекают внимание исследователей, в том числе генетиков, при изучении и демонстрации гомологических рядов (Раутиан 1987). В частности, в Дарвиновском музее в Москве собрана уникальная коллекция (более 600 экз.) с разными вариантами аномальной окраски. Основываясь на этом материале, было показано сходство этих вариантов у особей в родах, семействах и отрядах.

В природных условиях, где у птиц, в частности у крякв, имеется масса врагов, все отклонения от «дикого» типа мгновенно «изымаются» их врагами – хищными птицами и млекопитающими, а также охотниками в качестве необычного трофея. Это обусловлено тем, что вместе с окраской одновременно наследуются многие физиологические, психологические и другие свойства, не совместимые с суровыми требованиями естественного отбора, который непрерывно происходит в «дикой» среде. В частности, среди таких свойств, как считает К.В.Авилова, занимающаяся орнитофауной городов, отмечается доверчивость по отношению к людям*. Этот феномен, в частности, широко используется в пушном звероводстве при селекции зверей, доверчивых и незлобивых к человеку (Трапезов 2012). В городской среде диапазон возможностей выжить отклоняющимся от нормы особям гораздо шире, прежде всего благодаря более стабильной кормовой базе и охране со стороны человека. Поэтому, очевидно, и сохраняемость особей с необычной окраской в городе значительно выше, чем в природе. Например, в Гамбурге доля крякв с отклоняющейся от нормы окраской, составляет в среднем 13.2% (Hoerschelmann, Schulz 1984 – цит. по: Кошелев, Храбрый 1986), что во много раз выше, чем в Ленинграде в 1979-1986 годах – 0.5-0.7% (Кошелев, Храбрый 1986). Причину таких различий авторы видят в более продолжительном периоде урбанизации вида в Западной Европе. Кроме того, они не без оснований считают, что «по мере возникновения и усиления осёдлости городских крякв частота полиморфизма будет возрастать, особенно среди самцов». Аномально окрашенные особи могут служить своеобразными «маркёрами» той или иной группировки и даже степени постоянства зимовочных скоплений и территориальных перемещений (суточных, сезонных) крякв в черте города (Кошелев, Храбрый 1986). Впрочем, последнее утверждение справедливо, по-видимому, пока только для больших городов, где численность урбанизированных уток достаточно высока.

Наиболее полный каталог описаний аномально окрашенных крякв, встреченных в разные годы в Ленинградской области и городе Санкт-

* <http://www.ohotniki.ru/archive/article/2012/12/01/637330-kryakvyi-anomalnoy-okraski-kommentariy-ornitologa.html>

Петербурге, приводит К.Ю.Домбровский (2013). Все описанные им особи, кроме одной, встречены среди городских группировок крякв. Это ещё раз подтверждает наблюдения других отечественных и зарубежных исследователей, что в природе они тоже есть, но выживаемость их там, по сравнению с городскими аномально окрашенными птицами, невелика. Ниже приведены несколько фотографий крякв с необычной окраской оперения, сделанных в Петрозаводске и Санкт-Петербурге.

Рис. 1. Селезень кряквы *Anas platyrhynchos*. У острова Кижы. 21 августа 2014. Фото В.Я.Каньшиева.

Рис. 2. Селезень кряквы *Anas platyrhynchos* рядом с молодой озёрной чайкой *Larus ridibundus*. Петрозаводск, набережная Онежского озера близ устья Неглинки. 30 июля 2012. Фото Л.Д.Фокиной.

Кроме самцов кряквы, изображённых на рисунках 1 и 2, в городе Сортавале Н.П. Иовченко наблюдала 3 апреля 2014 селезня с более широким, чем обычно, белым и не смыкающимся сзади «ошейником», такого же типа окраски, как № 19 в статье К.Ю.Домбровского (2013). Среди отмеченных самок с отклоняющейся от нормы окраской (рис. 3-7), наиболее распространённой формой отклонений оказался лейкоизм. Эта генетическая мутация выражается в разной степени осветления окраски, обусловленной сокращением синтеза меланина.

Рис. 3. Самка кряквы *Anas platyrhynchos* с аномальной окраской (в центре). Петрозаводск, река Лососинка. 3 февраля 2010. Фото Н.В.Лапшина.

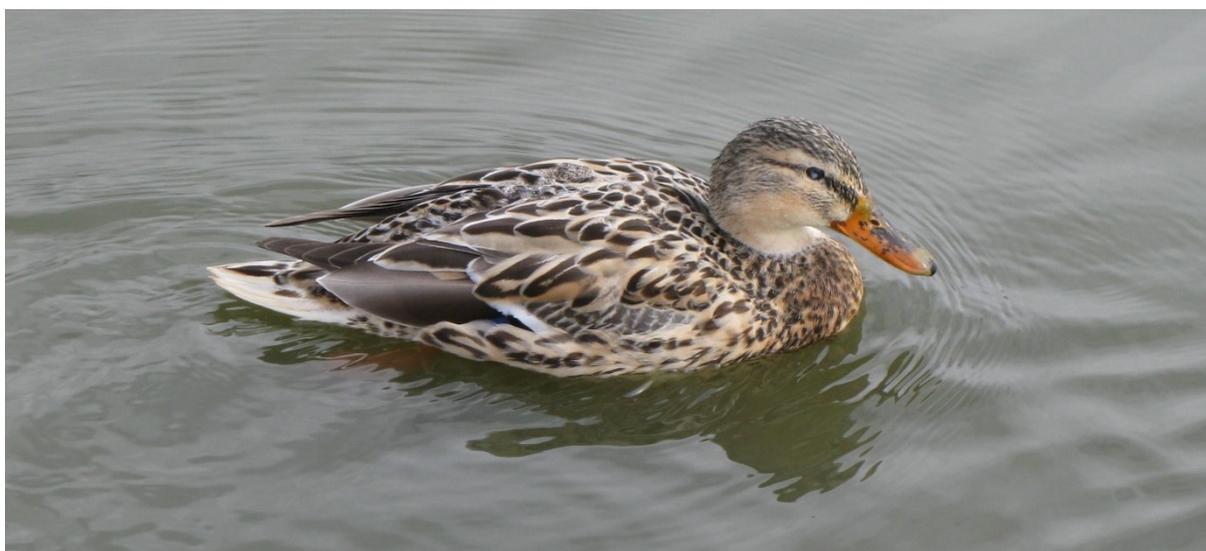

Рис. 4. Самка кряквы *Anas platyrhynchos* с начальной степенью проявления лейкоизма. Сортавала, в скоплении из 20 уток. 3 апреля 2014. Фото Н.П.Иовченко.

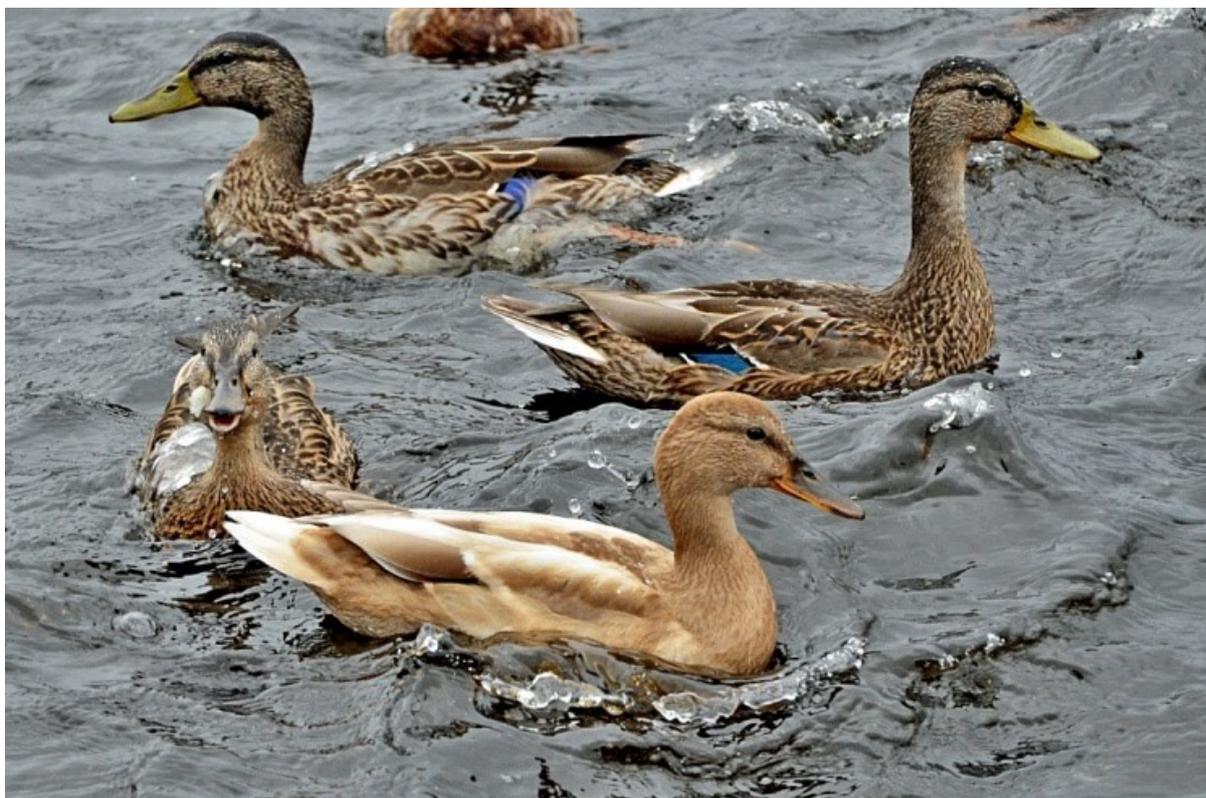

Рис. 5. Самка кряквы *Anas platyrhynchos* с выраженным лейкоизмом. Петрозаводск, набережная Онежского озера, 4 сентября 2012. Фото Л.Д.Фокиной.

Рис. 6. Самка кряквы *Anas platyrhynchos* с выраженным лейкоизмом. Единственная птица с аномальной окраской в скоплении из 350 особей. Санкт-Петербург, Петродворец, Ольгин пруд, 25 декабря 2013. Фото Н.П.Иовченко.

Рис. 7. Самка кряквы *Anas platyrhynchos* с выраженным лейкизмом. Маховые и большая часть рулевых перьев белые. Санкт-Петербург, набережная Лейтенанта Шмидта у 16-й линии. Васильевского острова. 3 февраля 2015. Фото А.В.Бардина.

Рис. 7. Самка кряквы *Anas platyrhynchos* с выраженным лейкизмом. Санкт-Петербург, Невская губа у Кронштадтской Колонии, гнездящаяся пара. 19 мая 2009. Фото Н.П.Иовченко.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что аномально окрашенные особи принимают участие в размножении (рис. 7)

Выражаю благодарность Н.П.Иовченко и А.В.Бардину, высказавшим замечания по статье и представившим ряд фотографий. Искренне признателен сотруднику НИП «Водлозерский» В.Я.Каньшиеву и жительнице Петрозаводска фотографу-анималисту Л.Д.Фокиной, чьи фотографии также использованы в публикации.

Литература

- Войткевич А.А. 1962. *Перо птицы (морфология, развитие, линька и нейрогормональная регуляция)*. М.: 1-288.
- Домбровский К.Ю. 2013. Полиморфизм окраски кряквы *Anas platyrhynchos* // *Рус. орнитол. журн.* **22** (854): 597-605.
- Дубинин Н.П. 1986. *Общая генетика*. 3-е изд. М.: 1-560.
- Кошелев А.И., Храбрый В.М. 1986. Полиморфизм окраски кряквы (*Anas platyrhynchos* L.) в Ленинграде // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **147**: 25-30.
- Раутиан Г.С. 1987. Гомологические ряды в окраске птиц // *Природа* **10**: 67-74.
- Трапезов О.В. 2012. *Новые окрасочные мутации у американской норки (Mustela vison), наблюдаемые в процессе её экспериментальной domestikации*. Автореф. дис. ... докт. биол. наук. Новосибирск: 1-33.

Современное состояние популяции просянки *Miliaria calandra* на юге Центрального Черноземья

А.Ю.Соколов

Второе издание. Первая публикация в 2015*

В данной публикации рассматриваются современное состояние популяции просянки *Miliaria calandra* и изменения её численности за период со второй половины XIX века по настоящее время на территории Воронежской и Белгородской областей, а также, отчасти, в сопредельных регионах России и Украины.

Через южные регионы Центрального Черноземья фактически проходит северная граница области гнездования просянки в европейской части России (Спангенберг, Судиловская 1954; Степанян 1990), хотя известны случаи её гнездования и в более северных областях (Котюков, Лавровский 1998; Иванчев, Назаров 2004; Сарычев 2006; и др.). Вполне естественно, что этим обстоятельством обусловлены более выраженная, чем в зоне оптимума ареала, спорадичность расселения и значительные периодические колебания численности просянок на юге Чернозёмного Центра, что неоднократно отмечалось разными авторами на протяжении более чем 150 лет (Огнев, Воробьёв 1923; Северцов 1950; Барабаш-Никифоров, Семаго 1963; Нумеров 1996; Венгеров 2005). Однако следует отметить, что гнездовая численность просянки в обозримом прошлом претерпевала серьёзные изменения и в других частях ареала (Donald, Hustings 1997). В качестве основных негативно влияющих на её численность факторов в ряде регионов рассматриваются некоторые следствия интенсификации сельского хозяйства, в частности расширение обрабатываемых площадей, ведущее к трансформации местообитаний вида, а также увеличение масштабов химизации (Holker 1996; Hartel 1997; Brickle *et al.* 2000; Венгеров 2005; и др.). Ещё одним фактором, способствующим проявлению разнонаправленных колебаний численности (в первую очередь на периферии гнездовой части ареала), по мнению некоторых авторов, являются циклические климатические изменения (Завьялов и др. 2002; Венгеров 2014).

Первые данные о гнездовании просянки в Воронежской губернии относятся к периоду исследований, проводившихся в середине XIX века

* Соколов А.Ю. 2015. Современное состояние популяции просянки на юге Центрального Черноземья // *Степные птицы Северного Кавказа и сопредельных регионов: Изучение, использование, охрана: Материалы Международ. конф.* Ростов-на-Дону: 142-151.

Н.А.Северцовым (Северцов 1950). Автор приводит её в числе обычных (местами даже многочисленных) гнездящихся птиц для территории, расположенной в центральной части современной Воронежской области. При этом, согласно данным Н.А.Северцова, просянка в массе встречалась на гнездовании в степях по верховьям реки Икорец (левый приток Дона), но он совсем не упоминает её в списке птиц, гнездящихся на степном водоразделе рек Битюг, Икорец и Дон.

Проводивший несколько позже свои исследования на территории Харьковской губернии Н.Н.Сомов (1897) указывает просянку в качестве «не особенно часто встречающейся оседлой или кочующей птицы». Между тем, автор говорит, что «летом 1892 г. встречал просянок в особенно большом числе в Змиевском, Изюмском, Валковском и Богодуховском уездах» – т.е. в долине реки Северский Донец и на водоразделе Северского Донца и Ворсклы. Таким образом, и в данном случае мы видим подтверждение неравномерного расселения этой овсянки во второй половине XIX века, когда антропогенная трансформированность естественных биотопов была менее выражена, чем в следующем столетии.

Отмечая сходство ландшафтов в южной части Воронежской и северной части Харьковской области, М.В.Банник и Ю.И.Вергелес (2000) при анализе встречаемости просянки в начале XX века в этих регионах, проводившемся на основе данных В.Г.Аверина (1910, 1924) и С.И.Огнева и К.А.Воробьёва (1923), делают вывод о вероятной схожести динамики её численности и причин, повлиявших на её исчезновение в этой части ареала. Однако, в отличие от Харьковской области, в Воронежской просянка вновь в массе отмечалась в середине XX века (Барабаш-Никифоров, Семаго 1963).

В видовом очерке о просянке С.П.Спангенберг и А.М.Судиловская (1954) ссылаются на указания (из текста неясно – чьи) относительно гнездования просянки в южных районах Курской области, по-видимому, в первой половине XX века. Какие конкретно районы имелись в виду, авторы не уточняют. Однако если учесть, что в состав образованной в 1954 году Белгородской области, наряду с западными и юго-западными районами Воронежской, вошли также южные районы Курской области, можно предположить, что речь шла о части территории, находящейся в границах современной Белгородской области. К этому же периоду относится упоминание о вероятном гнездовании нескольких пар в окрестностях Леса на Ворскле (запад Белгородской области) в 1949 году (Новиков и др. 1963). Это был единственный год за практически 20-летний промежуток исследований на данном участке (начиная с 1941 года), когда авторам удалось зарегистрировать здесь присутствие просянки. В качестве малочисленной гнездящейся птицы в конце 1950-х и в 1960-е годы для Сумской области просянку указывает М.Е.Матвиенко (2009).

Далее следует отметить, что во второй половине XX века на юге Центрального Черноземья, как и в ряде сопредельных регионов, гнездовая численность просянки демонстрировала значительное снижение вплоть до практически полного исчезновения. Так, например, для Воронежской области упоминание о гнездовании вида в работе Барабаш-Никифорова и Семаго (1963) явилось последним перед весьма длительным перерывом (Нумеров 1996; Венгеров 2004; Соколов 2004). Для центральных и юго-восточных районов Курской и для северо-восточных районов Белгородской (Ямская степь) областей в 1960-1970-е годы просянка рассматривалась как редкий нерегулярно гнездящийся вид на участках Центрально-Чернозёмного заповедника (Елисеева 1984). Как редкий гнездящийся представитель авифауны Белгородской области (без каких-либо уточнений относительно распространения и конкретных случаев встреч) она приводится в публикации А.С.Будниченко и П.С.Козлова (1980). К сожалению, сведения, содержащиеся в обеих публикациях, не проясняют картину динамики численности вида в регионе. Кроме того, объективность информации из второго источника вызывает некоторые сомнения, поскольку авторы в качестве основных населенных местообитаний данного вида в сводной таблице указывают древесно-кустарниковые станции (т.е. те же, что и для лесных обитателей), что является, по крайней мере, не совсем корректным. Наконец, единичный случай встречи просянки отмечен на западе Белгородской области (в Борисовском районе) в 1975 году Н.П.Овчинниковой (1999). В 1980-е и в начале 1990-х годов просянка, хотя и довольно редко, продолжала спорадически встречаться на гнездовании в некоторых районах Сумской области (Кныш и др. 2014). В то же время до начала 1990-х годов она оставалась довольно обычным гнездящимся видом в более южных Луганской и Ростовской областях (Donald, Hustings 1997).

На территории Харьковской области просянка вновь начала регистрироваться с 1996 года (Банник, Вергелес 2000). В Белгородской и Воронежской областях новые встречи были зарегистрированы только в начале XXI века (Венгеров 2004; Соколов 2004; Вакуленко 2005).

В Воронежской области после длительного перерыва просянка впервые достоверно отмечена в Верхнемамонском районе (на юге региона; наблюдения здесь ведутся с 1996 года) в 2003 году: на участке возвышенного остепнённого правобережья Дона протяженностью в 1.5 км были встречены 3 территориальных самца и ещё 1 – в окрестностях населённого пункта, в котором расположен стационар (Венгеров 2004). В следующем году количество птиц, встреченных в этом районе, увеличилось; помимо того одиночные территориальные особи встречены также на территории соседнего Кантемировского района и на востоке области – в Новохоперском районе (Венгеров 2004). В первой декаде июля территориальный самец наблюдался в пойме реки Битюг

на границе Аннинского и Бобровского районов – в центральной части Воронежской области (Соколов 2004). В 2005-2010 годах регистрировались новые встречи в репродуктивный период, тем самым расширялась география новых мест появления данного вида в пределах региона (Соколов 2005, 2007; Венгеров 2014; неопубл. данные автора). Примечательно, что в этот период вновь участились встречи и на территории Сумской области (Кныш и др. 2014). В Белгородской области просянка была единично отмечена в 2001 году в Ровеньском районе, на юге региона (А.Г.Вакуленко, С.А. Букреев, неопубл. данные). В дальнейшем в количестве 1 размножающейся пары птицы регистрировались здесь в 2008 и 2009 годах, затем в 2010 году ещё на одном участке данного района (Соколов, Шаповалов 2009; Соколов 2010; Соколов, Шаповалов 2012); в других частях области, где проводились исследования, достоверных встреч не было.

Наиболее массовое появление просянки в Воронежской области отмечено в 2011 году, что сопровождалось заметным увеличением численности, особенный всплеск которого пришёлся на 2013-2014 годы, и регистрацией территориальных особей в новых точках на юге, востоке, юго-востоке и, в меньшей степени, в центре региона (Соколов 2012а; Венгеров, 2014; Соколов, Будаев 2013). В ряде случаев формировались сравнительно плотные (во всяком случае – для данной части ареала) локальные скопления – до 4-6 пар на 10-100 га. В частности, в ходе работ по сбору данных для Атласа гнездящихся птиц европейской части России (Соколов, Химин 2013; Киселёв, Ашуров, Соколов 2014) подобные скопления отмечены в 2013-2014 годах на суходольных лугах по правому и левому берегам Дона в окрестностях хутора Донской и села Гороховка Верхнемамонского района, а также на правобережье реки Подгорной восточнее города Калач.

В Белгородской области экспансия просянки резко проявилась в 2012 году, когда встречи территориальных особей были зарегистрированы в двух значительно удалённых районах – Губкинском (Ямская степь) и Борисовском (окрестности Леса на Ворскле), где в предыдущие годы она не отмечалась (Дьяконова 2012; Соколов 2012б). В это же время просянка вновь начала появляться на гнездовании в Курской области (А.А.Власов, устн. сообщ.), а также случаи размножения были зарегистрированы в Рязанской области (Фиолина, Лобов 2012).

На сегодняшний день для Белгородской области известны всего три района, в которых зарегистрированы встречи просянки в течение XXI века: Ровеньский, Губкинский и Борисовский; случаи размножения достоверно установлены в двух первых. Наиболее плотное поселение сформировалось на северо-востоке региона, на участке «Ямская степь» заповедника «Белогорье», где в 2013 году на площади около 200-300 га было отмечено не менее 11 территориальных самцов просянки (Соко-

лов 2013). Однако в 2014 году их количество сократилось вдвое.

Пожалуй, немаловажной деталью является то обстоятельство, что в конце XIX и начале XX века на территории Харьковской губернии, а также в середине XX века в условиях Воронежской области отмечались неоднократные случаи зимовки просянок (Сомов 1897; Аверин 1910; Барабаш-Никифоров, Семаго 1963). Однако в настоящее время, несмотря на сравнительно тёплые зимы в течение нескольких последних лет, подобные факты в условиях Центрального Черноземья достоверно не известны.

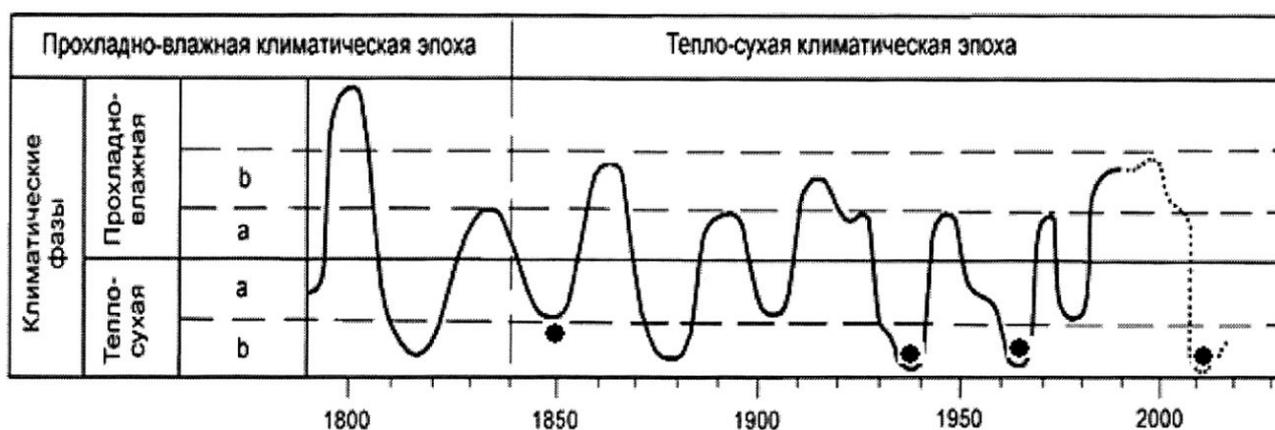
Анализируя характер биотопов, населенных просянкой в условиях южной части Центрального Черноземья, следует отметить, что при безусловной общей схожести (открытые, как правило сухие участки, большей частью с наличием богатой мезофильной травянистой растительности, иногда с мозаичными вкраплениями ксерофильных сообществ с низким проективным покрытием, с неперменным наличием высокостебельных травянистых растений, редких кустарников или невысоких одиночных деревьев) они в определённой степени различаются (в том числе – по своей природе).

Наибольшее количество территориальных пар просянок за все годы наблюдений (начиная с 2004, $n = 36$) в Воронежской области было зарегистрировано автором в долинах рек на границе суходольных лугов и коренных склонов (42% от общего числа встреч). Примерно одинаковое число пар отмечено на высоких плоских суходольных лугах (19%) и по склонам степных балок (17%). Некоторые пары (11%) поселились на окраинах населённых пунктов с наличием открытых пустырей. В двух случаях (5%) территориальные самцы держались на остепнённых участках в непосредственной близости от саженых сосновых лесов (в одном случае – на низменном водоразделе, в другом – на плакоре). Наконец, по одному случаю (по 3%) предположительного гнездования отмечено на сухом пойменном лугу с большим количеством мелких озёр и на старом неиспользуемом выгоне на окраине поля.

Несколько иначе выглядит спектр занимаемых просянкой биотопов в условиях Белгородской области ($n = 29$). Наибольшее число пар (55%), как уже было сказано выше, зарегистрировано на целинном участке ковыльно-разнотравно-луговой степи с наличием невысоких одиночных деревьев (преимущественно яблони *Malus* sp.). Ещё 24% встреч приходится на участок засоленного луга, активно используемый под выпас крупного рогатого скота, с наличием низин, заросших грубостебельной травянистой растительностью, и мозаичными вкраплениями древесной растительности (преимущественно – поросли лоха узколистного *Elaeagnus angustifolia*). На лугу, граничащем с подножием коренного склона, отмечено всего 11% встреч. Наконец, 2 территориальных самца (7%) держались по краям бурьянистых залежей, ещё 1 (3%) от-

мечен на краю жилого кордона (с сельскохозяйственным подворьем). Следует заметить, что на западе Белгородской области, на территории Борисовского района, территориальные самцы как в середине прошлого, так и в начале нынешнего столетия отмечались в окрестностях сравнительно крупного лесного массива (Новиков и др. 1963; Дьяконова 2012). Подобные случаи имели место и на севере Воронежской области (Барабаш-Никифоров, Павловский 1948).

Приведённые данные свидетельствуют о новой волне массового появления просянки на юге Центрального Черноземья. Как уже отмечено выше, в качестве одного из факторов, объясняющего её очередное активное продвижение на северо-восток, рассматриваются циклические изменения климатических условий и в первую очередь – степени увлажнения. В частности, П.Д.Венгеров (2014) считает, что в Центральном Черноземье экспансии просянки связаны с наступлением тепло-сухих климатических периодов (по: Кривенко 1991), что вполне подтверждается рядом конкретных фактов (см. рисунок). Однако в данном случае мы можем видеть и некоторые несоответствия. Например, Барабаш-Никифоров и Семаго (1963) в своей публикации отмечают, что «за последние два десятилетия накопились данные, свидетельствующие о том, что в южной части Среднего Подонья просянка ... довольно обычная гнездящаяся птица». То есть авторы имеют в виду промежуток времени с начала 1940-х по начало 1960-х годов, который, согласно приведённой схеме (см. рисунок), пришёлся на период между пиками тепло-сухих периодов и фактически совпал с обратным, прохладно-влажным периодом.

Многовековые, вековые и внутривековые климатические циклы Евразии и динамика появлений просянки *Miliaria calandra* (черные кружки) в Центральном Черноземье (по: Кривенко 1991; в редакции: Венгеров 2014).

Для Белгородской и Воронежской областей свойственны довольно сходные условия увлажнённости, однако в тепло-сухие периоды конца 1930-х и начала 1940-х годов и начала и середины 1960-х годов на территории первой просянка в гнездовой период встречалась крайне

редко (Новиков и др. 1963; Елисеева 1984). Не совсем вписываются в эту схему и сроки отсутствия и появления просянки в Харьковской области (Банник, Вергелес 2000). Наконец, начало последнего очередного проникновения просянки в Воронежскую область (2003-2005 годы) приходится именно на пик прохладно-влажного периода.

Не совсем однозначной является, пожалуй, и ситуация с увеличением в конце XX и начале XXI века площадей неиспользуемых сельскохозяйственных земель, что тоже рассматривалось в качестве благоприятного фактора (Банник, Вергелес 2000; Венгеров 2004). С одной стороны, местами на юге Центрального Черноземья просянка демонстрирует явную привязанность к участкам, подверженным активному выпасу. С другой стороны, на участке, где в последние два года наблюдалось самое плотное локальное поселение – в Ямской степи – благодаря заповедному статусу ландшафтно-ботаническая обстановка существенно не менялась с середины 1930-х годов. При этом просянка появилась здесь на гнездовании после длительного перерыва только в 2012 году. В то же время результаты исследований в Сумской области (Кныш и др. 2014) показывают, что просянка способна даже на периферии ареала поддерживать практически изолированные очаги гнездования с минимальной численностью (что в Ямской степи не наблюдалось).

Вероятно, в связи с этим в числе факторов, влияющих на подобную динамику численности просянки, следует рассматривать и учитывать также возможные изменения комплекса условий в регионах с более стабильной численностью этого вида. Не исключено, что при позитивном развитии эти изменения условий могут повлиять на увеличение численности и, как следствие, – на последующее расселение просянок. С другой стороны, ухудшение условий существования может способствовать формированию неблагоприятной для размножения обстановки и стимулировать выселение птиц в другие районы. Возможно, выяснить статус изменений гнездовой численности просянки и причины этих изменений на периферии гнездовой части ареала позволит новый этап современных исследований биологии и экологии данного вида в условиях Центрального Черноземья и сопредельных регионов.

Л и т е р а т у р а

- Аверин В.Г. 1910. К орнитологии Харьковской губернии // *Тр. Общ-ва испыт. природы при Харьков. ун-те* 43: 1-240.
- Аверин В.Г. 1924. Рецензия: С.И.Огнев. К.А.Воробьёв. Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии. Изд. «Новая деревня». Москва. 1923 // *Природа и охота на Украине* 1/2: 377-379.
- Банник М.В., Вергелес Ю.И. 2000. Просянка (*Emberiza calandra* L.) в Харьковской области: возвращение вида или флуктуации численности в ареале? // *Птицы бассейна Северского Донца* 6/7: 20-27.
- Барабаш-Никифоров И.И., Павловский Н.К. 1948. Фауна наземных позвоночных Воронежского государственного заповедника // *Тр. Воронежского заповедника* 2: 7-128.

- Барабаш-Никифоров И.И., Семаго Л.Л. 1963. *Птицы юго-востока Чернозёмного центра*. Воронеж: 1-210.
- Будниченко А.С., Козлов П.С. 1980. О составе и структуре авифауны Белгородской области // *Науч. тр. Курск. пед. ин-та* **202**: 64-82.
- Вакуленко А.Г. 2005. *Просянка // Красная книга Белгородской области. Редкие и исчезающие растения, грибы, лишайники и животные*. Официальное издание. Белгород: 503.
- Венгеров П.Д. 2004. Динамика популяции просянки (*Emberiza calandra* L.) в Воронежской области и о необходимости внесения её в региональную Красную книгу // *Материалы рабоч. совещ. по проблемам ведения региональных Красных книг*. Липецк: 99-103.
- Венгеров П.Д. 2005. *Птицы и малоиспользуемые сельскохозяйственные земли Воронежской области*. Воронеж: 1-152.
- Венгеров П.Д. 2014. Возвращение просянки *Miliaria calandra*: результат циклических колебаний климата и изменений в сельском хозяйстве (Воронежская область) // *Рус. орнитол. журн.* **23** (970): 503-511.
- Дьяконова Т.П. 2012. Новое появление просянки *Miliaria calandra* в окрестностях «Леса на Ворскле» // *Рус. орнитол. журн.* **21** (778): 1753-1755.
- Елисеева В.И. 1984. Состав и структура орнитофауны Центрально-Чернозёмного заповедника // *Эколого-фаунистические исследования Центральной лесостепи Европейской части СССР*. М.: 104-130.
- Завьялов Е.В., Якушев Н.Н., Табачишин В.Г. 2002. К вопросу о статусе просянки *Emberiza calandra* на севере Нижнего Поволжья // *Рус. орнитол. журн.* **11** (196): 809-814.
- Иванчев В.П., Назаров И.П. 2004. Орнитологические наблюдения на юго-востоке Рязанской области // *Тр. Окского заповедника* **23**: 496-499.
- Киселёв О.Г., Ашуров Н.П., Соколов А.Ю. 2014. Квадрат 37UFR1. Воронежская область // *Фауна и население птиц Европейской России. Ежегодник Программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* **3**: 147-152.
- Кныш Н.П., Статива А.И., Малышок В.М. 2014. Материалы по распространению и биологии просянки *Emberiza calandra* на северо-востоке Украины // *Рус. орнитол. журн.* **23** (977): 737-751.
- Котюков Ю.В., Лавровский В.В. 1998. Фаунистические находки в Рязанской области // *Рус. орнитол. журн.* **7** (33): 20-21.
- Кривенко В.Г. 1991. *Водоплавающие птицы и их охрана*. М.: 1-271.
- Матвиенко М.Е. 2009. *Очерки распространения и экологии птиц Сумской области (60-е годы XX столетия)*. Сумы: 1-208.
- Новиков Г.А., Мальчевский А.С., Овчинникова Н.П., Иванова Н.С. 1963. Птицы «Леса на Ворскле» и его окрестностей // *Вопросы экологии и биоценологии* **8**: 9-118.
- Нумеров А.Д. 1996. Класс Птицы Aves // *Природные ресурсы Воронежской области. Позвоночные животные. Кадастр*. Воронеж: 48-159.
- Огнев С.И., Воробьёв К.А. 1923. *Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии*. М.: 1-225.
- Овчинникова Н.П. 1999. Птицы водно-болотных стадий окрестностей заповедника «Лес на Ворскле» // *Рус. орнитол. журн.* **8** (70): 10-23.
- Сарычев В.С. 2006. *Просянка // Красная книга Липецкой области. Животные*. Т. 2. Воронеж: 128.
- Северцов Н.А. 1950. *Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии*. М.: 1-308.
- Соколов А.Ю. 2004. Зоологические находки и встречи регионально редких видов позвоночных животных в поймах рек Дон и Битюг в 2004 г. // *Материалы рабоч. совещ. по проблемам ведения региональных Красных книг*. Липецк: 155-158.

- Соколов А.Ю. 2005. О тенденциях изменения численности некоторых видов птиц в фауне Бобровского Прибитюжья // *Стрепет* 3, 1/2: 51-56.
- Соколов А.Ю. 2007. Птицы Бобровского Прибитюжья // *Тр. Воронежского заповедника* 25: 133-193.
- Соколов А.Ю. 2010. Авифауна особо охраняемых территорий Белгородской области // *Стрепет* 8, 1: 36-59.
- Соколов А.Ю. 2012а. Встречи регионально редких видов птиц в Белгородской и Воронежской областях в полевой сезон 2011 года // *Рус. орнитол. журн.* 21 (770): 1513-1518.
- Соколов А.Ю. 2012б. Встречи просянки *Miliaria calandra* и зелёной пеночки *Phylloscopus trochiloides* на особо охраняемых территориях Белгородской области // *Рус. орнитол. журн.* 21 (766): 1384-1386.
- Соколов А.Ю. 2013. Просянка *Miliaria calandra* на участке «Ямская степь» заповедника «Белогорье» в 2013 году // *Рус. орнитол. журн.* 22 (903): 2050-2052.
- Соколов А.Ю., Шаповалов А.С. 2009. К распространению редких видов птиц на территории Белгородской области // *Науч. ведомости Белгород. ун-та* № 3 (58). вып.8: 108-122.
- Соколов А.Ю., Шаповалов А.С. 2012. Дополнения по авифауне Белгородской области // *Рус. орнитол. журн.* 21 (768): 1453-1455.
- Соколов А.Ю., Будаев В.Н. 2013. Квадрат 37UES1. Воронежская область // *Фауна и население птиц Европейской России. Ежегодник Программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* 1: 273-276.
- Соколов А.Ю., Химин А.Н. 2013. Квадрат 37UES4. Воронежская область // *Фауна и население птиц Европейской России. Ежегодник Программы «Птицы Москвы и Подмосковья»* 1: 281-284.
- Сомов Н.Н. 1897. *Орнитологическая фауна Харьковской губернии*. Харьков: 1-680.
- Спангенберг С.П., Судиловская А.М. 1954. Просянка // *Птицы Советского Союза*. М., 5: 376-381.
- Степанян Л.С. 1990. *Конспект орнитологической фауны СССР*. М.: 1-728.
- Фионина Е.А., Лобов И.В. 2012. Новые находки просянки *Miliaria calandra* в Рязанской области // *Рус. орнитол. журн.* 21 (829): 3249-3253.
- Brickle N.W., Harper D.G.C., Aebischer N.J., Cockayne S.H. 2000. Effects of agricultural intensification on the breeding success of Corn Buntings *Miliaria calandra* // *J. Appl. Ecol.* 37, 5: 742-755.
- Donald P., Hustings F. 1997. Corn Bunting // *The EBCC Atlas of European Breeding Birds*. London: 762-763.
- Hartel H. 1997. Untersuchungen zur Bestandsentwicklung der Grauammer *Emberiza calandra* im Kreis Paderborn // *Charadrius* 33, 4: 214-216.
- Holker M. 1996. Die Grauammer – vom charaktervogel zur Seltenheit // *LOBF-Mitt.* 21, 4: 51-54.

О гнездовании серебристой чайки *Larus argentatus* s.l. в Луганской области

В.В.Ветров, А.В.Кондратенко

Второе издание. Первая публикация в 1996*

До 1995 года серебристая чайка *Larus argentatus* s.l. в Луганской области считалась обычным пролётным видом. Наиболее благоприятным местом для скопления мигрирующих чаек является большой рыбхоз у посёлка Станично-Луганское. Начиная с 1990-х годов численность пролётных чаек стала заметно возрастать. Увеличилось и количество летующих птиц. Неоднократно высказывалось предположение о гнездовании, подтвердить которое не удавалось.

Впервые серебристые чайки загнездились в 1995 году, сразу в большом количестве. Гнездовая колония обнаружена 27 мая. Она располагалась в западной части рыбхоза, между двумя большими прудами, на дамбе, не имеющей связи с сушей. Длина дамбы 500-600 м, ширина – около 10 м. По периферии этого «острова» располагались тростниковые заросли, местами довольно плотные. Центральная же часть покрыта травянистой растительностью, лопухами, редким молодым тростником и нагромождениями старого слежавшегося тростника. Именно здесь и располагалось основное ядро колонии.

Всего было учтено 120 гнёзд. В основном все они находились на возвышенной части дамбы среди старых заломов сухого тростника или на земле среди травы, стеблей редкого подрастающего тростника и лишь небольшая часть гнёзд располагалась в 0.5-1 м от уреза воды. Расстояние между гнёздами составляло от 0.6 до 10 м, но в основном – 1-3 м. Только одно гнездо с насиженной кладкой из 2 яиц было расположено на периферии дамбы, около 100 м от ближайшего гнезда.

Все осмотренные гнёзда построены из сухого тростника (стебли, метёлки, труха). В гнёздах с кладками хорошо выражен валик по краям лотка. Размеры одного из типичных гнёзд, см: диаметр 50×45, высота гнезда 10, диаметр лотка 23×22, глубина лотка 7.

Кладки были в 17 гнёздах, ещё в 9 гнёздах шло вылупление. По 2 яйца было в 12 кладках, в 3 – по 5 гнёздах. В остальных гнёздах птенцы уже вылупились. В основном все кладки были сильно насижены. Свежая кладка была обнаружена лишь однажды (2 яйца) и в одном гнезде яйца были наполовину насижены (3 яйца).

* Ветров В.В., Кондратенко А.В. 1996. О гнездовании серебристой чайки в Луганской области // *Птицы бассейна Северского Донца* 3: 60-61.

Возраст большинства птенцов составлял от 1 до 5 дней (35 гнёзд), от 5 до 10 дней – в 23 гнёздах, в 2 гнёздах птенцы были в возрасте 10-12 дней и лишь в 1 случае возраст двух птенцов был не менее 2 недель. У старших птенцов опахала маховых раскрылись на 1.5 см, на спине начали расправляться покровные перья. В основном все птенцы начиная с 2-3-дневного возраста находились не в гнезде, а рядом – в траве или под листьями лопухов, прячась от солнца и врагов. Будучи потревоженными, они чаще всего убегали или уплывали, поэтому в ряде случаев (31 гнездо) мы лишь отмечали, что птенцы успешно покинули гнездо, на самих птенцов найдено не было. Ещё у 17 гнёзд найдены явно не все птенцы. В гнёздах, где точно удалось определить количество птенцов, по 3 птенца было в 18 случаях, по 2 – в 22. Кроме того, два пуховика были найдены погибшими вне гнёзд.

В 5 гнёздах были найдены «болтуны» и в 3 – «задохлики» (по одному). Ещё из 7 яиц (6 гнёзд) птенцы не вылупились, т.к. яйца были повреждены, очевидно, при насиживании.

Иногда возле гнёзд или сидящих в траве птенцов найдены остатки пищи: небольшие караси (5), пуховички неопределённых поганок (2), пуховички лысук (2), шкурка водяной полёвки (1), а также погадки из чешуи рыб и хитина жесткокрылых.

Взрослые птицы во время осмотра колонии вели себя очень беспокойно, постоянно с криками летали над головой. Интересно, что посреди колонии серебристых чаек мы нашли 3 гнезда крякв *Anas platyrhynchos* с кладками. Причём ближайšie гнёзда чаек располагались всего в 0.8, 1.5 и 6 м. На периферии колонии были найдены также 3 гнезда озёрных чаек *Larus ridibundus* с насиженными (2 гнезда) и свежей кладкой. Основная колония озёрных чаек располагалась здесь же, но в 30 м от дамбы на сплавинах тростника среди расположенного на мелководье рогозового островка.

Таким образом, описанная колония серебристых чаек является первым и пока единственным случаем гнездования вида на территории Луганской области. Большая кормность угодий и успешное гнездование позволяют предполагать, что серебристая чайка будет здесь гнездиться и в последующие годы.

О каннибализме у сорокопута-жулана *Lanius collurio*

Н.П.Кныш

Второе издание. Первая публикация в 1990*

Внутривидовые трофические отношения у птиц могут носить характер каннибализма. У сорокопутов каннибализм ранее никем не отмечался, поэтому наблюдавшиеся нами случаи его проявления у жулана *Lanius collurio* представляют несомненный интерес. Исследования проводились в 1973-1989 годах в Сумском районе Сумской области, преимущественно в дубравах Никольского лесничества. Всего под постоянным контролем находилось 428 гнёзд жулана с 2224 вылупившимися птенцами.

Первый случай каннибализма удалось визуально зафиксировать в 1977 году, когда в течение дня 14 июня на зарастающей вырубке самец жулана уничтожил четырёх своих 3-дневных птенцов. Одному из них он оторвал голову и защемил трупик в расщепе ветки хвороста рядом с ранее запасённой рыжей полёвкой *Clethrionomys glareolus*. Через полтора часа этот птенец был съеден. Других птенцов, унесённых сорокопутом, мы не обнаружили. Яйцо-«болтун» осталось в гнезде нетронутым. При этом самка держалась поблизости от гнезда без заметных признаков беспокойства. Эта пара жуланов на следующий же день начала строить новое гнездо. Впоследствии из этого гнезда был выброшен один птенец, а остальные три благополучно вылетели.

Проявление каннибализма у сорокопута-жулана наблюдалось и в другие годы. Так, в июне 1982 года на заросшей вырубке в одном из гнёзд исчезли все 7 птенцов накануне вылета. Один из них был найден наколотым на подросте дикой груши рядом с гнездом. Эта пара жуланов также повторно загнездилась и успешно вырастила 5 птенцов. В 1983 году сходным образом самец другой пары в течение 3 дней унёс из своего гнезда двух птенцов (1- и 4-дневных) и наколот их на шипы терна рядом с уже имевшейся добычей. У старшего птенца сорокопут выел мозг, а тушку скормил оставшемуся выводку. Позже из этого гнезда исчез ещё один птенец, а три птенца успешно вылетели. Ещё в одном случае (1988 год) в гнезде, располагавшемся в кустарнике среди огородов, исчезли два 10-12-дневных птенца. Лапа одного из них была обнаружена в погадках двух оставшихся в гнезде птенцов.

* Кныш Н.П. 1990. О каннибализме у сорокопута-жулана // *Материалы Всесоюзного научно-методического совещания зоологов педвузов*. Махачкала, 2: 110-112.

При подобных обстоятельствах среди запасов добычи и поедой сорокопута-жулана было обнаружено в общей сложности 13 птенцов.

Во всех отмеченных случаях мы имеем дело с уничтожением птенцов их родителями, т.е. с кронизмом. Несомненно, однако, что жуланы грабят и чужие гнёзда своего вида. Так, в 1983 г. в числе запасённых жертв был и средневозрастный птенец жулана из чужого гнезда.

В наблюдавшихся случаях каннибализма зафиксировано 28 погибших птенцов из 11 гнёзд (в 8 гнёздах погибла часть птенцов, а 3 выводка были уничтожены полностью). В целом гибель потомства по этой причине составила 1.26% от числа вылупившихся, или 5.45% от всей птенцовой смертности. Следует признать, что многие подобные случаи, по-видимому, остались нами незамеченными. Поэтому с учётом возможного каннибализма надо рассматривать и невыясненные факты исчезновения из гнезда одного или нескольких птенцов. Эти потери составили 4.18% от исходного числа птенцов, или 18.09% от всего их отхода. Исчезновение всего выводка обычно относится на счёт различных хищников, но вполне вероятно, что некоторые эти потери также являются следствием каннибализма.

Каннибализм тесно связан с характером питания вида и основывается на ярко выраженном хищничестве жулана. Прямыми причинами каннибализма у других птиц обычно считается недостаток корма или его неполноценный состав. Такая связь каннибализма у жулана с кормовыми условиями прослеживается не всегда. Он отмечался при различных погодных условиях, в годы с хорошей кормовой базой (например, «мышинные» 1979 и 1983 годы), и при её ухудшениях (1984, 1988 годы). Важно и то, что в ряде случаев его проявления около гнёзд имелись запасы корма. Примечательно, что каннибализм и у некоторых других птиц также наблюдался как при дефиците, так и избытке кормовых ресурсов (Панов, Зыкова 1981).

Отнюдь не игнорируя роли пищевого фактора, мы хотим обратить внимание на возможные поведенческие механизмы каннибализма, в частности, детоубийства. Известно, что многие птицы удаляют из гнёзд или заглатывают птенцов с нарушенным стереотипом поведения (перекормленных с подавленной пищевой реакцией, малоподвижных, ослабленных и т.п.), чаще всего самых младших в выводках (Дементьев 1940; Крапивный 1967; Строков 1968; и др.).

Отставание в развитии, а следовательно, и в поведении младших птенцов выводка – обычное явление у жулана. Оно может способствовать возникновению каннибализма у родителей. По всей вероятности, возможны и неспровоцированные нападения. Наблюдения свидетельствуют о возрастании агрессивности самцов жулана по ходу репродуктивного цикла, в особенности после вылупления птенцов. Эта агрессивность, первоначально адресуемая любым нарушителям территории,

может затем распространяться и на свой выводок. Нами неоднократно зафиксированы угрожающие демонстрации и нападения самца на слётков. Причинный анализ фактов детоубийства у птиц, таким образом, требует дальнейшего исследования структуры индивидуального поведения взрослых и птенцов.

Несомненно, что каннибализм может служить одним из факторов саморегуляции численности вида. В случаях недостаточности пищевых ресурсов популяция «жертвует» своей частью, чтобы обеспечить нормальные условия для оставшихся особей (Боев 1983). Вполне вероятно, что виды с сильно выраженной склонностью к каннибализму лучше переживают неблагоприятные критические ситуации.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск 1137: 1525-1526

Сильное падение численности красавки *Anthropoides virgo* в Даурии

О.А.Горошко

*Второе издание. Первая публикация в 2014**

Даурская степь в юго-восточном Забайкалье и северо-восточной Монголии – одно из ключевых мест гнездования красавки *Anthropoides virgo*. Здесь она наиболее многочисленна в трансграничной Торейской котловине и в среднем течении бассейна реки Онон, где плотность в благоприятные годы составляет около 75 территориальных пар на 100 км².

В ходе многолетнего засушливого периода (2000-2014 годы) численность красавки в Даурии значительно снизилась из-за многократного сокращения площади подходящих для гнездования угодий – участков с разреженной и невысокой травянистой растительностью и обязательным наличием доступных источников воды. К 2009 году более 90% степных озёр и ключей в Даурии высохло. В результате в засушливые 2000-е годы в степной зоне численность красавок упала приблизительно в 5 раз (Горошко 2012). В лесостепи осадков выпадает существенно больше и гидрологический режим водно-болотных угодий значительно стабильнее, чем в степной зоне. Поэтому в засушливые 2000-е годы в российской части Даурской лесостепи численность кра-

* Горошко О.А. 2014. Сильное падение численности красавки в Даурии // *Информ. бюл. Рабочей группы по журавлям Евразии* 13: 15-16.

савки в целом осталась относительно стабильной, хотя при этом в ряде мест увеличилась за счёт перемещения сюда журавлей из степи, а в ряде мест уменьшилась из-за высыхания озёр. Аналогичные изменения произошли и в монгольской части Даурии, как в степи, так и в лесостепи. Во влажные 1990-е годы на территории Забайкальского края в летний период обитало около 22-27 тыс. красавок (Goroshko, Tseveenmyadag 2002); в 2010-2012 годах численность в крае оценена в 12-15 тыс. птиц (Горошко 2012).

В 2013 году отмечено неожиданное резкое падение численности красавки на всей обширной территории Даурских степей, как в российской части (в Торейской котловине и Агинской степи), так и в монгольской (в Торейской котловине, бассейне реки Улдза и в степи на юг до реки Керулен). Весной на места гнездования вернулось мало журавлей, летом их численность оставалась предельно низкой. На многих озёрах, где раньше вид гнезвился, в 2013 году птицы отсутствовали, в том числе на некоторых озёрах, где в 2011-2012 годах гнезилось от 2 до 5 пар. По данным ежегодных мониторинговых учётов, численность в гнездовой период 2013 года снизилась приблизительно в 3.5 раза по сравнению с 2010-2012 годами.

Причины снижения численности пока не известны. Осенью 2012 года, перед отлётом на места зимовки, она была в пределах нормы. На местах гнездования в Даурии видимых проблем, которые могли бы вызвать резкое падение численности, не выявлено. Вероятно, что-то произошло на местах зимовки или путях пролёта.

В гнездовой период 2014 года численность красавки в Даурии несколько увеличилась, но осталась существенно ниже «нормы». Наиболее детальный мониторинг красавок ведётся в пределах Торейской котловины. Здесь на российской и монгольской территории в 1990-х годах численность гнездящихся красавок оценена в 10500 пар, в 2010-2012 годах – около 2100 пар, в 2013 году – лишь около 600 пар, в 2014 – около 1100 пар.

Л и т е р а т у р а

- Горошко О.А. 2012. Красавка // *Красная книга Забайкальского края. Животные*. Чита: 124-125.
- Goroshko O, Tseveenmyadag N. 2002. Status and Conservation of cranes in Daurian steppes (Russia and Mongolia) // *China Crane News* 6 (Suppl.): 5-7.

Стенолаз *Tichodroma muraria* на юге Ставрополья

В.А.Тельпов, А.Н.Хохлов, В.Н.Битаров

Второе издание. Первая публикация в 1990*

Наблюдения проводились в Кисловодске, его окрестностях и в Малокарачаевском районе в 1988-1990 годах.

Стенолаз *Tichodroma muraria* является малочисленной гнездящейся оседлой птицей горных ущелий, отвесных скал (Ткаченко 1966; Моламусов 1967; Хохлов, Тельпов 1984). Как нами выяснено, стенолаз гнездится в скалах не только у верхней, но и у нижней границы леса. Гнёзда устраивает в трещинах и полостях скал на высоте от 900 до 2900 м над уровнем моря.

В начале июня 1988 года в ущелье реки Берёзовки (в 5 км от Кисловодска) держалась одна пара стенолазов: 5 июня птицы строили гнездо, 8 июля кормили птенцов. Во второй декаде мая 1990 года одного стенолаза несколько раз наблюдали в районе Красивого кургана в окрестностях Кисловодска.

Нередки стенолазы в ущелье реки Хасаут: на 3-километровом участке выше посёлка Мушт 10 июля 1988 отметили 3 пары, из них две кормили птенцов. В этот же день одиночная птица кормилась на зданиях турбазы №«Долина Нарзанов». Одна пара стенолазов 15 июля 1988 кормила птенцов в районе горы Малый Бермамыт.

В конце июля встречаются выводки стенолазов. Взрослая птица и 2 слётка наблюдались в ущелье реки Кичмалки выше аула Кичи-Балык 30 июля 1989. В середине августа 1989 в 3 км от этого посёлка была встречена семья из 2 взрослых и 3 молодых птиц; 20 августа 1989 один молодой стенолаз держался в районе горы Верхний Джинал.

В начале сентября стенолазы появляются в городе Кисловодске и других населённых пунктах. Так, 3 сентября 1989 два взрослых стенолаза кормились на скалах у автовокзала. С третьей декады октября их численность в городе увеличивается.

Осенью и зимой стенолазы чаще встречаются поодиночке, часто в городах и посёлках. Охотятся на мух, пауков и других беспозвоночных в проёмах окон зданий, в отставшей штукатурке, по укреплённым железобетонными плитами берегам речек, протекающих через Кисловодск. Например, 7 ноября 1988 на 4 км маршруте учтено 4 птицы (три

* Тельпов В.А., Хохлов А.Н., Битаров В.Н. 1990. Стенолаз на юге Ставрополья // *Материалы Всесоюзного научно-методического совещания зоологов педвузов*. Махачкала, 2: 231-232.

на зданиях и одна на скале). В ноябре 1989 – апреле 1990 года по 1-2 особи отмечены нами почти во всех ущельях рек в окрестностях Кисловодска. Зимой стенолазы, иногда очутившись близ мусорных контейнеров, преследуются сороками *Pica pica*. После 20-50 м погони преследование заканчивается. На расстоянии 7-10 м и более сороки на стенолазов не реагируют. В конце февраля – марте стенолазы постепенно покидают территорию города и возвращаются в места гнездования, поднимаясь по ущельям рек.

На наш взгляд, стенолаз заслуживает включения в Красную книгу Ставропольского края.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск 1137: 1528-1529

Изменение численности удода *Урира еропс* на Ставрополье

Л.В.Афанасова, А.Н.Хохлов

*Второе издание. Первая публикация в 1990**

В конце XIX и начале XX века удода *Урира еропс* был обычным и многочисленным в степных, предгорных и горных районах, в естественных условиях и в населённых пунктах Центрального Предкавказья. Удод был самой обычной птицей любого хутора или села (Алфераки 1910). На каждой улице гнезилось по несколько пар. Удод был обычен в западных и в восточных районах Ставропольского края ещё 10-15 лет тому назад (Хохлов, Афанасова 1986). Однако с 1970-х годов постепенно накапливаются сведения об исчезновении удода из многих мест, где ранее он был многочисленным. Падение численности особенно заметно в последние 5-7 лет.

Мы проводили учёт гнездовой удода в населённых пунктах, животноводческих фермах и естественных укрытиях. С 1977 по 1989 год было обнаружено 87 жилых гнёзд. Удод предпочитает гнездиться поблизости от полей, пустошей и других открытых мест, вблизи животноводческих ферм. Несмотря на то, что удода очень осторожная и пугливая птица, он охотно селится поблизости от жилья человека: под крышами домов, в щелях стен, в кучах камней, в поленищах дров, стогах сена и т.п. Находили гнёзда удода в старых норах золотистых

* Афанасова Л.В., Хохлов А.Н. 1990. Изменение численности удода на Ставрополье // *Материалы Всесоюзного научно-методического совещания зоологов педвузов*. Махачкала, 2: 13-14.

щурок *Merops apiaster* и береговых ласточек *Riparia riparia*. Любопытно гнездование удода в полом основании действующей дождевальная установки и в старом черепе лошади. Наибольшее число гнёзд было обнаружено в различных постройках сельского типа, значительно меньше – в естественных укрытиях.

Численность удода во многих населённых пунктах в значительной степени определяется наличием условий для гнездования. Так, в 1986 году в селе Николине Балка Петровского района на 986 дворов гнездились 18 пар удода, ещё 10 пар – на зданиях животноводческих комплексов и в постройках кошар.

В северо-западной части Ставропольского края удода встречается реже. В населённых пунктах городского типа удода встречаются крайне редко. Например, в крупном селе Птичьё Изобильненского района в 1989 году обследовано 32 улицы (1072 двора). Достоверно гнездились 8 пар и ещё 4 пары держались у животноводческого комплекса. Сведения, полученные от местных жителей, показали, что 10-15 лет в этом селе ежегодно гнездились по 5-6 пар удода на каждой улице. Ориентировочные подсчёты показывают, что с 1960 по 1990 год численность удода в населённых пунктах сократилась примерно на 60%.

Уменьшение численности удода, по-видимому, связано с дефицитом мест, пригодных для гнездования, которое наступает при благоустройстве сёл, с новым типом строительства, применением современных строительных материалов (шифер, железо, бетон вместо камня, глины и самана) и топлива (уголь и газ вместо кизяка и дров) и т.п. Происходит ухудшение кормовой базы: численность насекомых сократилась в результате ряда холодных летних сезонов. Резкое уменьшение численности беспозвоночных, которыми кормятся удода, происходит из-за применения ядохимикатов.

Есть все основания считать, что современное сокращение численности удода происходит под влиянием антропогенных факторов.

